

Научная статья

УДК 81'374, 81'374.3

DOI 10.17223/18137083/79/14

**Гендерно маркированная лексика:
лексикографическая традиция и динамические процессы
в современном русском языке**

**Елена Юрьевна Булыгина¹
Татьяна Александровна Трипольская²**

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ bulyginalena2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-7896>

² tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

Аннотация

Статья посвящена семантико-прагматическому исследованию эмотивно-оценочных существительных общего рода. Существительные общего рода рассмотрены с точки зрения гендерной семантики: произведен их лексикографический, психолингвистический и контекстный анализ.

В этом разряде эмоционально-оценочной лексики происходят активные процессы: нами выявлены существительные, очевидным образом тяготеющие к гендерной определенности и соответственно переходящие в разряд существительных мужского или женского рода.

С учетом полученных результатов будут разрабатываться словарные статьи этой группы прагматически маркированной лексики.

Ключевые слова

лексикография, слова общего рода, гендерный компонент, динамические процессы, база данных русской прагматически маркированной лексики

Для цитирования

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерно маркированная лексика: лексикографическая традиция и динамические процессы в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 186–200. DOI 10.17223/18137083/79/14

© Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 186–200

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 186–200

Gender-specific vocabulary: lexicographic tradition and dynamic processes in modern Russian language

Elena Yu. Bulygina¹, Tatiana A. Tripolskaya²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ bulyginalena2010@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5191-7896>

² tatianatripolskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0820-0325>

Abstract

The paper is devoted to the semantic-pragmatic study of gender-marked vocabulary, in particular, emotional and evaluative nouns of common gender usually considered in grammatical and semantic-stylistic aspects. There is a large group of words in the dictionaries belonging as they do to the common gender. However, numerous cases are not so obvious (*dushechka* (darling), *p'yanytsa* (drunkard), *glupyshka* (silly), *skvalyga* (rogue), etc.). The meaning of such characteristics of a person is heterogeneous: it includes denotative and connotative (pragmatic) macro-components. Of interest is the correlation between gender and emotional-evaluative meanings. Active processes occur in this emotional and evaluative vocabulary category, resulting in lexemes losing their ability to designate males and females and becoming gender-specific characteristics. Lexicographic, psycholinguistic, and contextual analysis of emotional and evaluative nouns of common gender was conducted. We compared the data of three explanatory dictionaries and identified a lot of lexemes requiring special corpus and/or psycholinguistic research to establish their gender correlation. The results show that the nouns attributed by most respondents (90 % or more) to a particular gender tend to lose their common gender. However, several words causing the biggest difficulties for the respondents made the survey results not unambiguous. We conducted a corpus study to verify the experimental data, with the results confirming our hypothesis. Among the nouns describing both males and females (the core of this grammatical category), some lexemes that tend to become gender specific and, therefore, to shift to the category of masculine or feminine nouns.

Keywords

lexicography, words of common gender, dynamic processes in vocabulary, gender component, database of Russian pragmatically marked vocabulary

For citation

Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Gender-specific vocabulary: lexicographic tradition and dynamic processes in modern Russian language. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 186–200. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/14

Постановка проблемы

Настоящая публикация продолжает цикл работ, посвященных лексикографированию прагматически маркированной лексики в электронном словаре активного типа¹.

¹ База данных прагматически маркированной лексики (электронный словарь активного типа); Бulyгина Е. Ю., Трипольская Т. А. База данных «Прагматически маркированная лексика русского языка»: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 70–85. DOI 10.15293/2226-3365.1606.06; Бulyгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Словарь эмотивно-оценочной лексики в парадигме активной лексикографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология.

Целью статьи является семантико-прагматическое исследование гендерно маркированной лексики, в частности эмотивно-оценочных существительных общего рода, которые обычно рассматриваются в грамматическом и семантико-стилистическом аспектах (см. [Голев, 2001; Павлова, 2010; Трофимова, 2011; Фадеева, 2017] и др.). Подобное исследование предшествует лексикографическому описанию слов общего рода в Базе данных прагматически маркированной лексики русского языка.

Существительные общего рода включают слова (обычно разг. или прост.) с флексией *-а*, называющие лиц по характерному действию или свойству <...>: *зуляка, зевака, недоучка, зубрила, жадина, плакса, злюка, сластена, неженка* и др. [РГ-80, с. 466]. Граматики русского языка и учебники по морфологии обычно приводят в качестве иллюстраций почти одни и те же примеры, отнесение которых к общему роду не вызывает сомнений. Однако имеется немало случаев, которые представляются не такими бесспорными (*душенька, пьяница, прощельяга, глупышка* и др.). Специфику грамматической категории рода этой группы существительных имеет смысл рассматривать в аспекте гендерной семантики слова [Кронгауз, 1996; Кирилина, 2000; Полякова, 2009].

Лексическое значение подобных наименований лица является гетерогенным: в него входят денотативный и коннотативный (прагматический) макрокомпоненты. Подготовка языкового материала для лексикографирования предполагает выявление и описание гендерной, возрастной и эмотивно-оценочной семантики в их взаимодействии [Трипольская, 2006; Голев, 2013; Булыгина, Трипольская, 2017а; 2017б].

Предварительный анализ языкового материала позволил принять в качестве гипотезы следующие положения: 1) в этом разряде эмотивно-оценочной лексики идут активные процессы, в результате которых лексемы утрачивают способность обозначать лиц мужского и женского пола и становятся гендерно определенными; 2) некоторые лексемы, сохраняя грамматическую характеристику общего рода, приобретают разную эмотивно-оценочную семантику применительно к лицам мужского или женского пола и становятся полисемантами.

1. Представление существительных общего рода в толковых словарях

Чтобы обосновать выдвинутые предположения, мы обратились к толковым словарям: БАС, МАС и ТСОШ. Проанализировав материал Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, мы выявили около 150 слов, которые словарь интерпретирует как существительные общего рода. Информация об общем роде в этих толковых словарях маркируется несколькими способами: основным является грамматическая помета *м. и ж.*, характерная для всех существительных общего рода; принадлежность к общему роду подтверждается цитатным материалом, например, к слову *бестия* приводятся следующие речения:

С. 11–21. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21; Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 5–19. DOI 10/17223/22274200/11/1; Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерный компонент в семантике слова и способы его лексикографирования в словарях активного типа // Современные проблемы славянской филологии: трансформация ценностей в славянских языках и культурах. Тайбэй, 2017. С. 50–62.

Плут, пройдоха (о мужчине); *продувная, тонкая бестия* (о женщине); к *бестолковщине* – ну что ты за б. *такая (такой)!*; к *забияке* – и, м. и ж. (разг.). Этот мальчишка – известный з. Кроме того, большая часть толкований содержит мета-элемент «человек», который относит характеристику скорее к лицу мужского пола, хотя и не всегда.

Толкования через родовое понятие «человек» включают несколько типов словарных дефиниций:

1) человек = лицо мужского пола (*бродяга* -и, м. и ж. 1. Обнищавший, бездомный **человек**, скитающийся без определенных занятий);

2) отсылочные толкования: «то же, что и...». Ср.: *дурашка*, -и, м. и ж. (разг.). То же, что дурачок (во 2 знач.); *глупышка*, м. и ж. (разг.) – то же, что **глупыш**. Оба слова имеют помету «общий род», однако сама форма сейчас применима только к женскому полу. Говоря о лицах мужского пола, чаще употребляют слова *дурачок* и *глупыш*: *дурачок*, -чка, м. (разг.) 1. Уменьш.-ласк. к дурак (фам.). *Прикидываешься дурачком* <...>; *глупыш*, -а, м. (разг.). Неразумный, глупый (ласк. о ребенке);

3) «тот, кто...». Ср.: *заправила*, -ы, м. и ж. (прост.). Тот, кто верховодит, управляет в каком-н. деле, заводила; *зевака*, -и, м. и ж. (разг.). Тот, кто зевает (во 2 знач.), слоняясь по улицам без дела. Праздный з.; *злюка*, -и и *злючка*, -и, м. и ж. (разг.). Тот, кто постоянно злится из-за плохого характера;

4) ласково-фамильярное обращение к кому-нибудь: *голуба, дорогуша, душенька, кровинка*.

Сопоставим материал трех толковых словарей: в выборке существительных общего рода рассматриваются лексемы, очевидным образом тяготеющие к характеристике лица либо мужского пола, либо женского. ТСОШ и издания МАС относятся примерно к одному временному срезу: МАС – 3-е издание 1985–1988 гг., первое издание ТСОШ – 1992 г., а БАС является более ранним словарем, в нем содержатся и устаревшие существительные общего рода, позволяющие наметить некоторые тенденции в интерпретации гендерной отнесенности. Семантизация указанной лексики в ряде случаев существенно отличается. Представим примеры, установление гендерной соотнесенности для которых является проблематичным (табл. 1).

Таблица 1
Существительные общего рода в толковых словарях
Table 1
Nouns of common gender in explanatory dictionaries

БАС	МАС	ТСОШ
Нет в словаре.	Нет в словаре.	ВООБРАЖАЛА м. и ж. (разг.). Человек, к-рый много воображает о себе, гордец (гордячка)
ГЛУПЫШКА, и, м. и ж., уменьш. и ласк. По 1-му знач. сл. глупыш	ГЛУПЫ ШКА, -и, род. мн. - шек, дат. - шкам. Разг. 1. ж. Женск. к глупыш 1. 2. м. То же, что глупыш 1.	ГЛУПЫШКА -и, м. и ж. (разг.). То же, что глупыш

БАС	МАС	ТСОШ
<p>ГУЛЕНА, ы, м. и ж. В просторечии и обл. Любитель, любительница гулять. <...>. Она закричала: –Гулени, когда поезд гудел, а они только сейчас идут. Панова, Кружилиха, гл. 4. – <i>Здоровенький, как видно [ребенок]!</i> – <...> – <i>Здоров, слава те, господи, – отозвалась уже мать, – такой гулена, – все на улице теперь просится.</i> Писем. Масоны, ч. I, гл. 7</p>	<p>ГУЛЁНА, -ы, м. и ж. Прост. Тот, кто любит гулять (в 1 и 3 знач.); гуляка. <i>Авдотья думала: – Без меня, небось, всю ночь прогуляли и спать не ложились гулены-то мои!</i> Николаева, Жатва</p>	<p>ГУЛЁНА -ы, м. и ж. (разг.). Человек, который любит гулять (в 1 и 4 знач.)</p>
<p>ДУШЕЧКА, и, м. и ж., ласк. В просторечии. О человеке. (Обычно в дружеском фамильярном обращении к кому-либо, чаще к женщине). – <i>Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Как поживаете, душечка?</i> Чех. Душечка. <...> <i>бабушка удержала ее. – Послушай, душечка, поди сюда, что я тебе скажу <...>.</i> Гонч. Обрыв, ч. 11, гл. 18. [Наталья Дмитриевна] <i>Мой ангел, жизнь моя, Бесценный, душечка, <...>, что так уныло? (Целует мужа в лоб).</i> <...>. Гриб. Горе от ума, д. IV, Я1Л 2</p>	<p>ДУШЕЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, м. и ж. Разг. 1. О приятном, милом человеке. [Варя:] <i>Что тут говорят о Варе? Наверно, опять говорят, что она душечка, да? Симонов, Парень из нашего города.</i> 2. Ласковое Песня «Ах ты, душечка...» обращение (преимущественно к женщине). – <i>Послушай, душечка, поди сюда, что я тебе скажу, – заговорила она ласково. И. Гончаров, Обрыв. Ах ты, душечка, красна девица, Мы пойдём с тобой, разгуляемся</i></p>	<p>ДУШЕЧКА -и, м. и ж. (разг.). То же, что душенька (во 2 знач.)</p>
<p>ЗАБУЛДЫГА, и, м. Простореч. Спившийся человек, беспутный гуляка. Какой-то забулдыга брел через соборную площадь и все старался затянуть песню, походившую на мычанье. Мам.-Сиб. Башка. <...> <i>Не ругайтесь!.. Барышников, прислушавшись из другой</i></p>	<p>ЗАБУЛДЫГА, -и, м. Прост. Беспутный, опустившийся человек. <i>Между «хорошими» людьми доброго старого времени много было плутов, забулдыг. Салтыков-Щедрин, Сатиры в прозе. – По кудрям да по рубашке вижу, говорит [мать], забулдыга парень.</i></p>	<p>ЗАБУЛДЫГА -и, м. и ж. (прост.). Спившийся, беспутный человек. уменьш. за-булдыжка, -и, м. и ж.</p>

БАС	МАС	ТСОШ
комнаты, приказал вышибить пьяного забулдыгу вон да надавать ему елико возможно по загивку. Шишк. Ем. Пугачев	– Обязательно, говорит, гармонист и пьяница. Сартаков, Хребты Саянские	
ПРОЩЕЛЫГА, -и, м. и ж. Простореч. Плут, мошенник, пройдоха (о мужчине и женщине). Один <i>служитель, Павел, по всему видно, – прощелыга, прельстившийся высокой платой.</i> Верес. Без дороги, 2. Устар. Прошальыга. – <i>А маменька его такая прощальыга, просто через все медные трубы прошла.</i> Дост. Село Степанчиково. I, 10. <i>Ведь я не таков, как сосед-прощальыга, Готовый за грош свою душу продать.</i> Никит. Ночлег извозч.	ПРОЩЕЛЫГА, -и, м. и ж. Прост. Пройдоха, плут, мошенник. <i>Ведь я не таков, как сосед-прощелыга, Готовый за грош свою душу продать.</i> И. Никитин, <i>Ночлег извозчиков. А что скажешь доброго о пропойце и прощелыге Парабукине?</i> Федин, <i>Первые радости</i>	ПРОЩЕЛЫГА -и, м. и ж. (прост., бран.). Пройдоха, плут
ПЬЯНИЦА, -ы, м. и ж. Тот, кто много пьет, пьянствует. – <i>Рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали.</i> Пушк. Кап. дочка, 1. – <i>Ешь! Или нешто дать тебе водочки выпить? – Выдумал! – проговорила Агафья. – Пьяницу какую нашел.</i> Чех. Агафья, ♦ Горький, запойный и т. п. пьяница. <...> 3. = Разг. В женск. роде по отношению к мужчине. – <i>Этот попик ужасная пьяница, – пьет вино и в приходе не годится.</i> Леск. Очаров. Странник	ПЬЯНИЦА, -ы, м. и ж. Тот, кто постоянно и много пьет спиртного; алкоголик. [<i>Бабушка</i>] с беспокойством смотрела, когда он вздумает выпить стакан, а не рюмку вина или рюмку водки. <i>К пьянице</i> и пьянству у ней было физиологическое отвращение. И. Гончаров, <i>Обрыв.</i> ♦ Горький (горькая) пьяница см. горький.	ПЬЯНИЦА -ы, м. и ж. Человек, к-рый пьянствует, алкоголик. <i>Горький п.</i>
РАСПУСТЁХА, и, ж. Простореч. Небрежно одетая женщина; неряха. <i>Ее санов-</i>	РАСПУСТЁХА, -и, ж. Прост. Небрежно одетая, неопрятная женщина. <i>Жена</i>	РАСПУСТЁХА -и, м. и ж. (прост, пренебр.). То же, что

БАС	МАС	ТСОШ
<p>ные братья втайне предпочитали этой ученой сестре распустеху Романовну, возлюбленную Петра Третьего. Форш, Радищев, III, 17. Ходить, выходить и т. п. распустехой. Жена дома ходит неряхой, распустехой, но для гостей и для театра шьет дорогие платья. Купр. Путешественники <...></p>	<p>дома ходит неряхой, распустехой, но для гостей и для театра шьет дорогие платья. Куприн, Путешественники. С той поры, как мы подружились, она уже не выходила ко мне распустехой – кофта застегнута, дыры под мышками зашиты и даже – чулки на ногах. М. Горький, Хозяин</p>	<p>неряха. Ходить распустехой</p>
<p>СКОТИНА, ы, ж. 2. м. и ж. Перен. Простореч. То же, что скот (во 2-м знач.). – <i>Который это Горецкий? Не князь ли Яков? – Совсем нет. Это брат его, князь Григорий, известная скотина.</i> Пушкин. На углу мал. площади. 1. <i>Извините меня, что я перед вами остался такой скотина: не отвечал вам до этих пор на две записки <...></i> Кольц. Письмо А. В. Никитенко, 27 июля</p>	<p>СКОТИ́НА, -ы, ж. Прост. презр. То же, что скот (во 2 знач.). [<i>Анучкин:</i>] <i>Мой отец был мерзавец, скотина. Он и не думал меня выучить французскому языку. Гоголь, Женитьба. – Ты грубить еще вздумал, скотина? – закричал инспектор с яростью. Помяловский, Очерки бурсы</i></p>	<p>СКОТИНА -ы. 1. ж., собир. 2. перен., м. и ж. Грубый, подлый человек (прост. бран.). уменьш.- ласк. скотинка, -и, ж. (к 1 знач.) и скотинушка, -и, ж. (к 1 знач.). прил. скотиний, -ья, -ье (к 1 знач.) и скотинный, -ая, -ое (к 1 знач.: устар.)</p>

Проанализируем решения лексикографов, чтобы выработать свою позицию при семантизации этих лексем. Самое серьёзное отличие связано с представлением МАС существительных общего рода как полисемантов: есть значение, соотносимое с женским полом названного лица, и есть самостоятельный лексико-семантический вариант, соотносимый с мужским полом. Ср.: в МАС слова *глупышка* и *голышка* многозначные, хотя их значения различаются только гендерным компонентом. Это интересный случай и потенциальная база для развития разных эмоционально-оценочных коннотаций в характеристиках мужчины и женщины (мальчика и девочки).

Безусловно, МАС и БАС располагают, в отличие от однотомного словаря, таким существенным элементом семантизации, как иллюстративный материал, который призван представить функционирование слова в указанном значении и, что еще важнее в контексте нашего исследования, «дотолковать» значение прагматически маркированного существительного. В МАС иллюстративный материал в большинстве случаев демонстрирует принадлежность характеристики или к мужскому, или к женскому полу даже в случаях толкования существительного

общего рода (**скотина**, -ы, ж. 2. Прост. презр. То же, что скот (во 2 знач.). [*Анучкин:*] **Мой отец был мерзавец, скотина. Он и не думал меня выучить французскому языку. Гоголь, Женитьба**) либо динамические процессы, заключающиеся в изменении семантики общего рода и образовании мужских и женских эмоционально-оценочных характеристик. Ср.: **прощельга**, -и, м. и ж. Прост. Пройдоха, плут, мошенник. *Ведь я не таков, как сосед-прощельга, Готовый за грош свою душу продать*; **уродина**, -ы, м. и ж. Разг. То же, что урод. **Ты, уродина, чего тут делаешь? – накинуся на нее Матюшка. Мамин-Сибиряк, Золото.**

Последние примеры лексикографы относят еще к общему роду, однако иллюстративный материал спорит с грамматической пометой: синонимы в дефиниции *пройдоха, плут, мошенник* явно соотносятся с лицом мужского пола (ср.: *плутвка, мошенница*), согласуясь с цитатой (*сосед-прощельга*); отнесенность существительного *уродина* к женскому роду поддерживается производящим словом *урод*. Отметим, что *скотина* толкуется как существительное общего рода в ТСОШ и в БАС. МАС же оставляет лексему с пометой «женский род», данной к первому значению полисеманта.

Рассмотрим некоторые лексикографические «разночтения», которые свидетельствуют о динамических процессах в этой словарной области. Так, БАС фиксирует общий род у слова *душечка*, подтверждая наличие женской и мужской характеристики иллюстративным материалом (см. табл. 1): отметим, что женский пол актуализируется в контекстах из произведений А. Чехова и И. Гончарова, мужской – у А. Грибоедова. В МАС общий род иллюстрируется одним «женским» контекстом из К. Симонова. Отсутствие подтверждения функционирования слова в качестве общей характеристики (пример из А. Грибоедова не переносится в МАС) – это косвенное свидетельство того, что существительное *душечка* перемещается в сторону гендерной определенности. Лексему *распустёха* (ж. Прост. Небрежно одетая, неопрятная женщина. **Жена дома ходит неряхой, распустехой, но для гостей и для театра шьёт дорогие платья. Куприн, Путешественники**) БАС и МАС интерпретируют как существительное женского рода и сугубо женскую характеристику. ТСОШ, напротив, возвращает помету м. и ж. к слову *распустёха*. Едва ли это можно рассматривать как отражение динамических процессов в лексико-грамматической системе существительных, скорее следует говорить лишь о лексикографической преемственности: **распустёха**, м. и ж. (прост. пренебр.). То же, что *неряха* (ТСО). Представляется, что автор, используя синонимическое толкование, переносит характеристику рода слова *неряха* (м. и ж.) на толкуемое слово *распустёха*.

Если *распустёха* и *душечка* явно воспринимаются как женские характеристики, то следующие грубо негативные характеристики «дрейфуют» в противоположном направлении: **забулдыга**, -и, м. Прост. Беспутный, опустившийся человек. *По кудрям да по рубашке вижу, говорит [мать], забулдыга парень. – Обязательно, говорит, гармонист и пьяница. Сартаков, Хребты Саянские.* ТСОШ сохраняет помету «общий род», опираясь на Словарь русского языка С. И. Ожегова (ТСО).

2. Результаты экспериментального исследования гендерно маркированной лексики

Как видим, остается немало лексем, требующих специального корпусного и/или психолингвистического исследования, чтобы представить их в словаре ак-

тивного типа, который отразил бы динамические процессы в семантике прагматически маркированной лексики.

Для проведения эксперимента нами были выбраны 15 слов из 150, которым ТСОШ дает помету «общий род», но, на наш взгляд, именно семантика этих слов в наибольшей степени противоречит ей, обнаруживая определенное гендерное значение. Для подтверждения нашей гипотезы был проведен специальный опрос в социальной сети Instagram². Респондентами стали молодые люди (150 человек) в возрасте от 18 до 34 лет, количество мужчин и женщин в процентном отношении одинаково. Им предлагалось определить, кто – мужчина или женщина – может быть охарактеризован с помощью этих существительных³. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты опроса респондентов
о принадлежности характеристики мужскому или женскому полу

Table 2

Results of the respondents' survey
about the masculine or feminine gender of a particular characteristic

Лексема	Мужской пол		Женский пол	
	чел.	%	чел.	%
ГЛУПЫШКА	2	1	148	99
ГУЛЁНА	12	9	128	91
ГУЛЯКА	129	90	14	10
ДУШЕЧКА	6	4	143	96
ЗАБУЛДЫГА	136	94	8	6
ПУСТЫШКА	8	6	130	94
ЛАКОМКА	6	4	133	96
МИЛАШКА	4	3	138	97
ПРОЩЕЛЫГА	122	92	11	8
ПЬЯНИЦА	113	85	20	15
РАСПУТЁХА	32	26	92	74
СКОТИНА	90	67	45	33
УРОДИНА	12	9	125	91

Анализ результатов эксперимента показывает, что существительные, отнесенные большинством респондентов (90 % и более) к определенному полу, имеют ярко выраженную тенденцию к утрате общего рода.

Однако три слова – *пьяница*, *распутёха* и *скотина* – вызвали наибольшие затруднения у респондентов, и результаты опроса оказались не однозначными.

² Выражаем благодарность О. В. Легай, магистранту НГПУ, за предоставленные материалы психолингвистического эксперимента.

³ Количество ответов на предложенные стимулы оказалось не одинаковым, в частности из-за незнания респондентами некоторых слов (например, *прощелыга*).

У существительного *скотина* самый низкий разрыв между ответами респондентов (67 % – мужская характеристика, 33 % – женская). Эксперимент подтверждает словарную интерпретацию лексики как существительного общего рода, однако намечает и путь ее развития – к предпочтительному употреблению по отношению к мужчине.

Слова *распутёха* (85 % респондентов оценили его как женскую характеристику) и *пьяница* (85 % – как мужскую характеристику) тоже интерпретируются не однозначно и требуют дополнительного контекстного исследования.

3. Проверка результатов эксперимента корпусными данными

В корпусное исследование включены следующие имена существительные: *воображала*, *гулёна*, *пьяница*, *скотина*, *глупышка*, *прощельга*, поскольку лексикографический анализ и данные эксперимента оставляют вопрос об их гендерной характеристике открытым.

В ходе контекстного анализа мы рассматривали первые 100 (в ряде случаев 200) контекстов Национального корпуса русского языка⁴ для каждого из выбранных слов.

К слову *воображала* (не снятая омонимия глагольной и субстантивной форм) было проанализировано 200 контекстов, среди которых обнаружилось 12 употреблений эмотивно-оценочной характеристики лица.

Ср.: *Он вошёл в подъезд. На стене детским почерком было нацарапано: "Инка выдра, она воображала". Он узнал эту надпись и рассмеялся. Инка, о которой шла речь, теперь давно выросла, учится в институте <...>* (И. Грекова. На испытаниях, 1967); *Воображала... Но, подумав так, Тося не испытала совершенно никакой злости. Честно говоря, она уже не сердилась на Аню Залетаеву* (И. Пивоварова. Тройка с минусом или происшествие в 5 «А», 1982); *Перед невидящим взором потерпевшей крушение отличницы вставали торжествующие Гвоздева с Собакиной, и до её ушей долетали произносимые ими свистящим шёпотом слова: «Воображала! Так ей и надо! Пусть не задаётся* (И. Пивоварова. Тройка с минусом, или Происшествие в 5 «А», 1982); *И потом и дня не прошло, а ты уже называешь её «воображалой и горячкой».* <...>. *Но, может, в предыдущей школе её так обижали, что она и держится букой* (А. Герасимова. Первый раз в новый класс // «Мурзилка», 2001).

Перед нами примеры, свидетельствующие о наличии гендерного (женский пол), возрастного (невзрослость) и эмоционально-оценочного компонентов: «высокомерная девочка, зазнайка, горячка, отличница».

Значительно реже *воображала* является характеристикой взрослой высокомерной, холодной женщины: *Из-за маминной сдержанности медсестры отнеслись к ней как «воображалке».* *Но пришедший врач вовремя отправил ее на операционный стол <...>* (Л. И. Вернский. Светлячки памяти, 1995).

Семантика «взрослой» женской характеристики сходна с характеристикой мужчины, однако подобных контекстов практически не обнаруживается в НКРЯ (два из двухсот проанализированных). Ср.: *Я играю Марью Антоновну. Костров все-таки невероятный воображала, возомнил себя чуть ли не Станиславским и требует от всех, чтобы слушались его, как бога <...>* (М. Шишкин. Венерин

⁴ URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 22.11.2020).

волос, 2004); *Нет, не советуется! Может быть, зазнайка, воображала? Вроде бы не должен* (В. Розов. Режиссер, которого я люблю, 1990–2000).

Доминирующая гендерная семантика позволяет сделать вывод о том, что данная эмотивно-оценочная единица – существительное женского рода, являющегося производным от гендерной составляющей лексического значения слова.

К слову *гулёна* в НКРЯ обнаружилось лишь 5 контекстов, по которым невозможно однозначно отнести данное слово к определенному роду из-за недостаточного количества примеров. Ср.: *Постоянный персонаж светских и политических хроник... Гулёна, уже к двадцати пяти годам подведший черту под первой тысячей своих краткосрочных и достаточно разнообразных любовных связей* (В. Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... 1999–2003); *Но как ни тихо она раздевалась, Веруша проснулась, села в постели и протянула: – Ой, гулёна, гулёна! И где же ты была допоздна?* (Г. Николаева. Битва в пути, 1959).

Однако респонденты уверенно относят слово *гулёна* к женским характеристикам. Подобное решение поддерживается наличием мужской характеристики *гуляка*, которая в ТСОШ трактуется как существительное общего рода.

По результатам поиска в основном корпусе к слову *пьяница* найдено 2 128 документов, 4 422 вхождения. Для анализа возьмем первые 100 контекстов. Ср.: *Женщины вынуждены мириться с мужьями-пьяницами, отсутствием перспектив на светлое будущее, а также со слезами на уставших от серости и безнадежности глазах* (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008–2011); *И каждый раз наворачиваются слезы, когда певец вернулся на белых мерседесах, когда пьяница-отец защищает вход в ложу в театре...* (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008–2011); *И лётчик. И ещё пьяница. Покупал водочку, становился ещё красивее, и рассказывал про кризис в Карибском бассейне* (А. Геласимов. Чужая бабушка, 2001); *Одна молодая красивая американская девушка полюбила одного русского мужчину – не очень красивого, пожиловатого и к тому же пьяницу, и это может показаться невероятным...* (А. Слаповский. Международная любовь, 1999); *Не был он никаким страдальцем, забубённой головушкой он был и забудыгой, пьяницей и наркоманом, но при этом умел прекрасно играть на сцене и в кино...* (В. Астафьев. Затеси, 1999); *...послушайте, что она сказала, уходя от меня! Она сказала: "Я окончательно убедилась, что ты неисправимый пьяница, и поэтому ухожу от тебя!"* (Ф. Искандер. Муки совести, или Байская кровать, 1980–1990).

Из 100 контекстов нашлось два, в которых речь идет о женщинах-пьяницах, причем в одном отрицается принадлежность к пьющему сословию, а во втором содержится раскаяние в злоупотреблении алкоголем: – *Н-ну, – потирая руки и поигрывая заискрившимися глазами, молвила хозяйка, осветившись ямочками на щеках. – Я не пьяница, я – москворецкая хлебосолка...* (В. Астафьев. Обертон, 1995–1996); – *Ты прости, что я утратила человеческий облик. Я теперь горькая пьяница, Виля. Чёрная дыра, и не отвечиваю. Алкоголичка, как «Ванька-жид»* (Т. Соломатина. Большая собака...», 2009).

Таким образом, на основании контекстного и экспериментального исследования можно сделать вывод об отношении слова *пьяница* преимущественно к лицам мужского пола, хотя толковые словари отмечают даже параллельные словосочетания: *горький пьяница* и *горькая пьяница*. БАС приводит пример «*Этот попик ужасная пьяница, – пьет вино и в приходе не годится. Леск. Очаров. Странник*», в котором автор ориентируется на грамматическую форму существительного и не учитывает пол названного лица.

Со словом *скотина* найдено 1 823 документа, 4 460 вхождений, приведем некоторые из них, в которых речь идет о мужчине: *Каких виноватых ищешь? Ты сам, сам во всем виноват, скотина ты пьяная. Виноват, что родился, что жил...* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней, 2001); *Ты что! – закричала в ответ Нина Михайловна, начав ни с того ни с сего подпрыгивать, как крышка на чайнике. – Ты как с матерью разговариваешь, скотина! Я для тебя все, а ты! Ты сам что!* (А. Волос. Недвижимость, 2000); *Ей казалось, что она вообще лишняя, совсем... – Это потому, что я – скотина, – с горечью проговорил я. – Всё это происходило у меня под боком, а я ничего не замечал. Был, видите ли, занят!* (В. Белоусова. Второй выстрел, 2000); *Подонки, ничтожество, дождался? Не-ет, пускай будет суд, пускай тебя вытащат, скотину. Не мог воспитать единственного сына, жалкое существо, старый идиот...* (Ю. Трифионов. Предварительные итоги, 1970); *Ставит в ванную на полку лосьон, помазок для бритвы. А вечером – звонок: «Кирюша, прости меня, я негодяй, скотина, я сейчас у Милочки, просто в отчаянии»* (И. Грекова. Перелом, 1987).

Из 100 проанализированных контекстов встретились только три, относящие слово *скотина* к лицам женского пола, причем в произведении одного и того же автора: *Все это с раздражением проговаривала Сонечка, чувствуя себя в то же время последней неблагодарной скотиной. Но она так злилась на себя за то, что снова не могла отказать гостеприимному хозяину...* (Т. Соломатина. Сонина Америка, 2010); *Папа с мамой тоже уехали к друзьям в Алтестово. А я, дура, скотина, тварь, дрянь, забыла... Забы-ы-ыла! – воет Ленка* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом», 2009).

Частотность контекстов по отношению к лицам мужского пола говорит о том, что *скотиной* в переносном значении чаще бранят мужчин. Однако даже когда речь идет о мужчине, с существительным согласуется имя прилагательное в женском роде: «скотина ты пьяная», «скотина такая», «скотина изрядная», «скотина, безусловно, талантливая», «скотина неблагодарная», «подлая скотина», в отличие от «старого пьяницы».

Нам кажется, что рассмотренные существительные общего рода – по данным толковых словарей – утратили или утрачивают способность характеризовать лиц мужского и женского пола и демонстрируют гендерную определенность.

Заключение

В ходе исследования эмотивно-оценочные существительные общего рода рассмотрены с точки зрения их гендерной семантики: произведен их лексикографический, психолингвистический и контекстный анализ. На фоне существительных, служащих характеристикой лиц мужского и женского пола (ядро этого грамматического разряда), выявлены и существительные, очевидным образом тяготеющие к гендерной определенности и соответственно переходящие в разряд существительных мужского или женского рода. Эта тенденция поддерживается разными причинами языкового и неязыкового характера: *глупышки / гольшки / малышки* преимущественно обозначают лиц женского пола, поскольку имеются соответствующие мужские номинации (*глупыш / гольш / малыш*); так же *гулёна* и *гуляка*; *уродина* и *урод*. Кроме того, в картине мира социума имеются представления (стереотипы) о так называемых мужских и женских недостатках: *процелыга, пьяница, забудыга* – скорее мужские недостатки, *распустёха* – о женской неряшли-

ности; *сквалыга, скряга* – по преимуществу о мужчинах (ср.: метафоры *Гобсек, Скупой рыцарь, Гарпагон, Плюшкин*) как эмотивные оценки жадности и скупости в наивысшей степени их проявления. Женщинам скорее присуща «бытовая» жадность: *скупердяйка, жадина, жадюга* и др.

Подобное гендерное расслоение эмотивно-оценочных единиц ведет к изменению рода и к образованию многозначного слова, в котором мужские и женские характеристики будут существенно отличаться эмотивно-оценочным содержанием.

С учетом полученных результатов будут разрабатываться словарные статьи этой группы прагматически маркированной лексики.

Список литературы

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Словарь эмотивно-оценочной лексики в парадигме активной лексикографии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017а. Т. 16, № 9: Филология. С. 11–21. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Гендерный компонент в семантике слова и способы его лексикографирования в словарях активного типа // Современные проблемы славянской филологии: трансформация ценностей в славянских языках и культурах. Тайбэй, 2017б. С. 50–62.

Голев Н. Д. Морфологическая сущность существительных так называемого общего рода // Виноградовские чтения: Материалы Межвуз. науч. конф. / Под ред. Е. Н. Ермаковой. Тобольск, 2001. С. 107–108.

Голев Н. Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 14–28.

Кирилина А. В. О применении понятия *гендер* в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3. С. 18–27.

Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика / Под ред. Т. М. Николаевой. М.: Индрик, 1996. С. 510–525.

Павлова И. Б. Оценочность существительных общего рода и средства ее выражения // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 52–58.

Полякова Л. С. Понятие «гендер» в лингвистическом описании // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2009. № 11. С. 44–49.

РГ-80 – Русская грамматика: В 2 т. / Ред. колл.: Н. Ю. Шведова [и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 710 с.

Трипольская Т. А. Гендерный фактор в семантике эмотивно-оценочного слова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: Тр. Урал. психолингв. об-ва. Екатеринбург, 2006. Вып. 4. С. 113–120.

Трофимова Е. Б. Существительные общего рода как проблемное поле в лингвистике // Актуальные проблемы современного словообразования: Сб. науч. ст. / Под ред. Л. А. Араевой. Кемерово, 2011. Вып. 4. С. 475–480.

Фадеева Л. В. Эмоционально-оценочная лексика как элемент субъективной информации (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73), ч. 2. С. 178–185.

Список источников

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
- ТСО – *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. С. П. Обнорского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952.
- ТСОШ – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азъ, 1992.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 22.09.2021).

References

- Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Slovar' emotivno-otsenочноy leksiki v paradigme aktivnoy leksikografii [Dictionary of emotional-evaluative words in paradigm of active lexicography]. *Vestnik NSU. Series History and Philology*, 2017a, vol. 16, no. 9: Philology, pp. 11–21. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21
- Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Gendernyy komponent v semantike slova i sposoby yego leksikografirovaniya v slovaryakh aktivnogo tipa [The Gender Component in the Semantics of an Emotive-Evaluative Words and Ways of Presenting it in the Active Type Dictionary]. In: *Sovremennye problemy slavyanskoy filologii: transformatsiya tsennostey v slavyanskikh yazykakh i kul'turakh* [Modern problems of Slavic philology: transformation of values in Slavic languages and cultures]. Taipei, 2017b, pp. 50–62.
- Fadeeva L. V. Emotsional'no-otsenочnaya leksika kak element sub'ektivnoy informatsii (na materiale nemetskogo yazyka) [Emotional evaluative vocabulary as an element of subjective information (based on the German language)]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 7 (73), pt. 2, pp. 178–185.
- Golev N. D. Morfologicheskaya sushchnost sushchestvitel'nykh tak nazyvayemogo obshchego roda [Morphological essence of nouns of the so-called common gender]. In: *Vinogradovskiye chteniya: materialy mezhvuz. nauch. konf.* [Vinogradov reading materials of the interuniversity scientific conference]. E. N. Yermakova (Ed.). Tobolsk, 2001, pp. 107–108.
- Golev N. D. "Obshchiy rod" i gendernaya semantika russkikh imen sushchestvitel'nykh: bigendernost ili agendernost? [Common gender and gender semantics of Russian nouns: bigender or agender?] *Tomsk State University Journal of Philology*. 2013, no. 6 (26), pp. 14–28.
- Kirilina A. V. O primenenii ponyatiya gender v russkoyazychnom lingvisticheskom opisanii [On the application of the concept of gender in the Russian-language linguistic description]. *Philological Sciences*. 2000, no. 3, pp. 18–27.
- Krongauz M. A. Sexus, ili problema pola v russkom yazyke [Sexus, or the problem of sex in Russian]. In: *Rusistika. Slavistika. Indoyevropeistika* [Russian studies. Slavic studies. Indo-European studies]. T. M. Nikolayeva (Ed.). Moscow, Indrik, 1996, pp. 510–525.
- Pavlova I. B. Otsenочnost' sushchestvitel'nykh obshchego roda i sredstva ee vyrazheniya [Evaluation of common gender nouns and means of its expression]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2010, no. 5, pp. 52–58.

Polyakova L. S. Ponyatiye “gender” v lingvisticheskom opisani [The concept of “gender” in the linguistic description]. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2009, no. 11, pp. 44–49.

Russkaya grammatika: V 2 t. [Russian grammar: In 2 vols]. N. Yu. Shvedova et al. (Eds). Moscow, Nauka, 1980, vol. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation]. 710 p.

Tripol'skaya T. A. Gendernyy faktor v semantike emotivno-otsenochного слова [Gender factor in the semantics of the emotive-evaluative word]. In: *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Tr. Ural. psikholingv. ob-va* [Psycholinguistic aspects of the study of speech activity. Proc. of the Ural Psycholinguistic Society]. Yekaterinburg, 2006, iss. 4, pp. 113–120.

Trofimova E. B. Sushchestvitel'nye obshchego roda kak problemnoe pole v lingvistike [Common gender nouns as a problem field in linguistics]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya: Sb. nauch. st.* [Actual problems of modern word formation: coll. of sci. art.]. L. A. Arayeva (Ed.). Kemerovo. 2011, iss 4, pp. 475–480.

List of sources

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed: 22.09.2021).

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Russian language]. 4th ed., ext. Moscow, Az', 1992.

Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 2nd ed., rev. and ext. Obnorsky S. P. (Ed.). Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1952.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. A. P. Evgen'eva (Ed.). Moscow, Rus. yaz., 1985–1988.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language: In 17 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950–1965.

Информация об авторах

Елена Юрьевна Булыгина, кандидат филологических наук, доцент

Татьяна Александровна Трипольская, доктор филологических наук, профессор

Information about the authors

Elena Yu. Bulygina, Candidate of Philology, Associate Professor

Tatiana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Professor

Статья поступила в редакцию 30.09.2021;

одобрена после рецензирования 29.11.2021; принята к публикации 29.11.2021

The article was submitted 30.09.2021;

approved after reviewing 29.11.2021; accepted for publication 29.11.2021